

предлагающую «тесное единение всех общественных сил, которое возможно только при коренном изменении общего направления внутренней политики и создании правительства, пользующегося доверием нации...» [9, с. 367].

Самодержавная власть рассматривала муниципальные образования как составную часть органов местного государственного управления, особенностью которых являлось проявление общественной инициативы и самофинансирование. В ситуации Первой мировой войны происходит усложнение и увеличение численности управленческих структур городских управ, и начинается сращивание государственного и муниципального аппаратов, завершившееся уже в советское время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Яковенко А.В., Гахов В.Д. Томские губернаторы. Томск, 2012.
2. Бердников Л.П., Лонина С.Л. Два века красноярского самоуправления. История и современность (1822–1917). Красноярск, 2003.
3. Сибирские и тобольские губернаторы. Тюмень, 2000.
4. Серебренников И.И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. Иркутск, 2008.
5. Палин А.В. Томское губернское управление (1895–1917 гг.): структура, компетенция, администрация. Кемерово, 2004.
6. Ермолаев А.Н. Уездный Мариинск. 1856–1917 гг. Кемерово, 2008.
7. Ларьков Н.С., Чернова И.В., Войтович А.В. 200 лет на страже порядка: Очерки истории органов внутренних дел Томской губернии, округа, области в XIX–XX вв. Томск, 2002.
8. Кротт И.И. Сельскохозяйственное предпринимательство: поведенческие стратегии и практики в условиях трансформации сибирского общества (1914–1920 годы). Омск, 2010.
9. Чудаков О.В. Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 – первая половина 1918 гг.). Омск, 2013.
10. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX–начала XX века. Новосибирск, 2006.
11. Новониколаевск–Новосибирск: от поселкового старосты до мэра: Биографический справочник. Новосибирск, 2003.
12. Городское самоуправление в Иркутске: 220 лет. Иркутск, 2008.

Статья поступила
в редакцию 16.01.2014

УДК 94(47).083

Н.В. СУРЖИКОВА

ПЕРЕПИСЬ ВОЕННОПЛЕННЫХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ: ПРИЧИНЫ, УСЛОВИЯ, ИТОГИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ)*

канд. ист. наук,
Институт истории и археологии УрО РАН,
г. Екатеринбург
e-mail: snvplus@mail.ru

Статья посвящена проблеме учета военнопленных Первой мировой войны в России и их переписи 1917 г., которая рассматривается на материалах Пермской губернии. По мысли автора, необходимость проведения регистрации пленных во всероссийском масштабе диктовалась не просто «дефектами» их учета. Причиной расплывчатости количественных характеристик российского плена прежде всего стал присущий ему полицентризм. Стремительная интеграция пленных в производственные процессы привела к тому, что уже в 1915 г. отвоєвавшиеся вражеские военнопленные были размещены в 891 месте, из которых только 317 рассматривались как «места постоянного водворения» и только 68 как лагеря. Здесь учет пленников еще хоть как-то проводился, чего нельзя сказать о местах их трудового использования. Пленные часто поступали туда, минуя пункты постоянного водворения, к тому же они могли перемещаться с одного производственного объекта на другой. Но это было только начало. С 1916 г. строгий количественный учет пленных, а также их категоризация по возрастному, национальному, этническому, вероисповедальному и прочим признакам и вовсе превратились в недостижимую мечту. Ее осуществлению препятствовала ожесточенная «битва за пленных», развернувшаяся в стране между промышленностью и сельским хозяйством. К середине 1917 г. всякие наличные реестры пленников иностранцев в России уже никак не отражали ни их общей численности, ни их состава, ни актуальной географии плена. Для проведения переписи пленных, призванной решить эти проблемы, был разработан целый пакет документов, породивший, однако, другую проблему. Она состояла в том, что военные власти явно переусердствовали, превратив перспективную систему учета военнопленных в настолько громоздкую, что она тут же обнаружила свою бесперспективность. Впрочем, даже если бы масштабная акция по регистрации военнопленных благополучно состоялась по всей стране, собранные сведения все равно потребовали бы некоторого времени для обработки, которого организаторы переписи оказались лишены в связи с политическими событиями конца 1917 г. Таким обра-

*Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-01873 «Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.».

зом, итогом переписной кампании конца 1917 г. взвешенные количественные показатели так и не стали, лишний раз подтвердив, что рисунок российского плена изначально был слишком сложен для того, чтобы он сохранил свою прозрачность.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, география плена, учет и перепись военнопленных, Пермская губерния.

Очевидно, что региональное, как и национальное, измерение российского плена 1914–1922 гг. невозможно представить без его статистико-географических характеристик, за которыми скрыты границы, объемы и динамика этого явления, т. е. те его «эпитеты», от точности которых напрямую зависит точность оценки всех прочих параметров «объекта». В случае с Первой мировой войной, однако, статистика и география плена, равно как и качественные свойства оказавшихся в России пленников, строгой оценке не поддаются. Явно не отвечающий требованиям «гиперсциентизма» показатель в 1,8–2,3 млн вражеских военнопленных в России традиционно объясняется «дефектностью» системы их учета, что на самом деле всей глубины проблемы не отражает. Как представляется, основной причиной расплывчатости количественных характеристик российского плена прежде всего стал присущий ему полицентризм, выразившийся не только в рассеянности пленных по бескрайним просторам страны, но и в столкновении вокруг них интересов самых различных групп и структур. Их разнообразие превратило рисунок плена в излишне вариативный и потому плохо считываемый. Самым категоричным образом об этом свидетельствует пример Пермской губернии, где обезоруженные вражеские военнослужащие появились уже в 1914 г.¹

Поскольку для скучающей провинции иностранцы стали явлением диковинным, любопытные наблюдатели не могли не заметить, что к концу 1914 – началу 1915 г. счет провозимым по территории региона транзитом пленникам шел уже не на десятки и даже не на сотни, а на тысячи чел. Так, только через Екатеринбург, где с целью отделения больных от здоровых был открыт изоляционный пункт, в декабре 1914 г. проследовало около 11 тыс. вражеских солдат и офицеров [1, с. 289–301]. Большинство из них составляли военнослужащие австро-венгерской армии, чья «доблесть» была незамедлительно «воспета» фольклором:

Едут мухи с комарами...
Опять пришлось полк нам взять...
Куда нам с пленными деваться,
Куда нам к черту их девать!²

«...Число австрийских военнопленных, взятых непосредственно в плен на поле брани с оружием в руках, к 1 сентября выражается уже в более чем 200 000 чел. Дальнейшее развитие военных операций на галицийском фронте, столь же успешное, как и по настоящие дни, несомненно, число военнопленных еще значительно увеличит», – сообщила 8 сентября 1914 г. газета «Пермские ведомости», заметив при этом, что вопрос о том, чем занять взятую в плен многотысячную австро-

венгерскую армию, начинает серьезно занимать правительственные и общественные круги³. Дискуссия на эту тему, как известно, разрешилась повсеместным привлечением пленников к разного рода работам, что обернулось стремительным расширением географии российского плена и постоянным ростом числа учреждений и предприятий, заинтересованных в получении пленных для своих нужд. Как результат уже к середине 1915 г. пленные иностранцы в Пермской губернии оказались «рассеяны» по различным – в том числе безымянным – участкам и околоткам Казань-Екатеринбургской, Пермской и Омской железных дорог⁴.

Градус пространственной мобильности военнопленных значительно повысился с решением задействовать их в сельскохозяйственной отрасли. Учитывая, что посевная кампания 1915 г. уже обнаружила в ряде случаев, зафиксированных, в частности, в Кунгурском, Камышловском, Верхотурском, Оханском и Пермском уездах, нежелание сельчан помогать семьям призванных в «обсеми полей», перспектива приобщения пленных к крестьянскому труду не превратиться в реальность просто не могла⁵. Особенно актуальной эта проблема была для «хлебного» Ирбитского уезда, лишившегося с началом войны 40 % работоспособного мужского населения⁶.

Между тем ни железнодорожные, ни сельскохозяйственные, ни общественные работы главными потребителями пленных на Урале не стали. Начиная с весны 1915 г. эту роль с каждым днем все увереннее стал играть промышленный сектор региональной экономики, а еще точнее – горно-металлургический. В течение мая–августа 1915 г. предприятия отрасли с аппетитом поглощали все новые и новые партии пленных, тут же распределяя их на заводские, лесные и рудничные работы⁷. За этот период Невьянский горный округ и Верх-Исетские горные заводы получили по 400 военнопленных. Нижнетагильский и Луньевский горные округа располагали 1360 пленными уже к июлю, ожидая в ближайшей перспективе присылки еще 1390 чел. Лидерство же в соревновании за обладание новыми рабочими руками захватило Богословское горнозаводское общество, где к лету 1915 г. трудилось около тысячи пленных иностранцев⁸. За июнь 1915 г.

³ Там же. 8 сент.

⁴ Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. 65. Оп. 3. Д. 601. Л. 1; Д. 593. Л. 1; Уральская жизнь. 1915. 15 апр.

⁵ Пермская земская неделя. 1915. 12 апр., 24 мая.

⁶ Там же. 1916. 17 апр.

⁷ Зауральский край. 1915. 5, 25, 26 июня, 19 июля; Уральская жизнь. 1915. 24 июня; и др.

⁸ ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 592. Л. 7, 16; Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 24. Оп. 19. Д. 1605, Л. 157; Оп. 32. Д. 4511. Л. 56–58; Ф. 50. Оп. 2. Д. 2892. Л. 271; Ф. 72. Оп. 1. Д. 5556. Л. 53–54 об., 56–58 об.; Ф. 643. Оп. 1. Д. 3585. Л. 167.

¹ Уральская жизнь. 1914. 31 июля.

² Пермские ведомости. 1914. 13 дек.

их численность увеличилась более чем вдвое, а к середине августа достигла 3,2 тыс. чел., или почти 20 % от общего количества рабочих предприятия, к тому времени окончательно перешедшего к работе на оборону, получив 23,5 % от общеуральских военных заказов [2, с. 214; 3, с. 74–83].

Спрос на военнопленных со стороны предприятий Среднего Урала оказался столь велик, что быстро обнаружился конфликт интересов региональной экономической элиты с интересами местной администрации. Уже 1 ноября 1915 г., обращаясь к министру внутренних дел А.Н. Хвостову, главный чиновник Пермской губернии М.А. Лозина-Лозинский просил прекратить присылку в регион новых партий пленных, для которых попросту не было свободных помещений, однако окрестные «командиры производства» продолжали требовать все новых и новых присылок узников войны. В результате вражеских военнопленных стали напрямую высылать на предприятия края, заинтересованные в их труде, минуя изоляторы, обсервации и лагеря, еще недавно служившие «биржами труда». Роль лагерей в структурах уральского и российского плена теперь состояла не столько в раздаче пленных на те или иные производства, сколько в концентрации уже утилизированной рабочей силы, сдаваемой в распоряжение военных властей, чтобы снова в нее превратиться после короткой передышки. В итоге уже в 1915 г. военнопленные в России были размещены в не менее чем на 891 месте, из которых только 317 рассматривались как «места постоянного водворения» и только 68 как лагеря [4, с. 89].

Метаморфоза, выражавшаяся в смещении центров плена из городов губернии на периферию – на заводы, поля, рудники и лесничества – никого не удивила, обретенная в 1916 г. все необходимые признаки нормы. На периферии же учет пленных мало кого волновал, а потому не будет преувеличением сказать, что именно «деурбанизация» плена окончательно лишила его статистичности и географию всякой определенности. Более того, даже в пределах крупных производств учет пленных стал проблемой, ведь они, как отмечал, к примеру, управляющий Богословского округа С.С. Постников весной 1916 г., «постоянно перемещаются на работах»⁹.

С 1916 г. строгий количественный учет пленных, а также их категоризация по возрастному, национальному, этническому, вероисповедальному и прочим признакам и вовсе превратились в недостижимую мечту, осуществлению которой прежде всего препятствовала жесточенная «битва за пленных» между российскими промышленностью и сельским хозяйством. Уже в начале 1916 г., когда угроза недосева из-за отсутствия рабочих рук на селе становилась все более и более реальной, аграрии просто измотали власти своими просьбами о присылке пленных. В этой связи из 200 тыс. неприятельских солдат, взятых в плен в ходе наступательной операции русских армий Юго-Западного фронта в мае–июне 1916 г., ведомству земледелия было отдано 160 тыс. чел., или 80 % [5, с. 56]. «Минуя

внутренние лагеря», эти едва учтенные пленные напрямую отправлялись в деревню [6, с. 190–192].

Конфликт интересов промышленников и сельхозпроизводителей вылился в настоящую бескомпромиссную борьбу, смягчая жесточенность которой, правительство даже изменило порядок отпуска военнопленных на работы. С 24 декабря 1916 г. этим занималась особая междоветовая комиссия, без решения которой штабы военных округов выполнять наряды на пленных не могли¹⁰. При этом в условиях постигшего страну продовольственного кризиса комиссия не нашла ничего лучшего, как начать лихорадочную перекачку пленных из промышленной отрасли в аграрную, что внесло свою толику неразберихи в дело общего учета пленных и фиксации их различных статусов.

Пик этой неразберихи пришелся на 1917 г., когда сражение промышленников и сельхозпроизводителей за обладание военнопленными вступило в свою кульминационную фазу. На этом этапе власти зачастую просто не контролировали ситуацию с пленными на местах, махнув рукой на их перемещения, а с ними – и на всякие подсчеты. Известно, в частности, что именно тогда Камышловская уездная продовольственная управа и бюро исполкома местного Совета, не дождавшись официального перевода на полевые работы занятых в близлежащих лесничествах пленных, просто вывезли их в окрестные же деревни. Комментируя в конце июля 1917 г. свои действия, камышловские власти даже не пытались оправдываться, будучи глубоко убежденными в том, что несанкционированный захват вражеских военнослужащих – мера вполне оправданная¹¹.

Так или иначе, но к середине 1917 г. наличные реестры пленных иностранцев в России явно не отражали ни их общей численности, ни их состава, ни актуальной географии плена. В условиях, когда персональный учет, производившийся на фронтах, оказался явно недостаточным, требуя своего продолжения посредством периодического централизованного учета в тылу, власти вынуждены были прибегнуть к всероссийской переписи вражеских военнослужащих, несмотря даже на то, что аналогичный опыт регистрации беженцев был лишь относительно успешным. «Существующая у нас числовая система учета военнопленных на основании данных штабов военных округов внутреннего района государства не дает в настоящее время достаточно точных данных об общей численности военнопленных и распределении их по территории России, а также данных, необходимых для возможно рационального использования около двухмиллионной массы военнопленных как весьма крупной рабочей силы государства», – гласила изданная в Петрограде в 1917 г. «Инструкция по организации переписи военнопленных». «Принятая с начала войны система оказалась несоответствующей вследствие назначения части поступивших военноплен-

⁹ ГАСО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 71. Л. 179.

¹⁰ ГАПК. Ф. 174. Оп. 1. Д. 117. Л. 17; Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102, 2-е делопр.-во. Оп. 73. Д. 10. Ч. 60. Л. 6.

¹¹ ГАПК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 10. Л. 255.

ных непосредственно на работы, без предварительного прохождения через пункты водворения, а также получившейся сложности этого учета вследствие назначения военнопленных на работы разных ведомств и общественных организаций вне пределов округов, в которых они (военнопленные. – С.Н.) состоят на учете», – говорилось все в том же документе¹².

Перепись, вне сомнения, была призвана зафиксировать не только суммарные показатели численности разбросанных по территории страны неприятельских военнопленных. Она должна была конкретизировать их состав, поскольку ясности в этом вопросе изначально было еще меньше, нежели в вопросе общего количества пленников. Так, характеризуя поставлявшиеся из более 300 мест империи списки вражеских военнослужащих, начальник Центрального справочного бюро о военнопленных И.А. Овчинников сетовал: «Особенно много затруднений вызвало отсутствие в списках сведений о подданстве военнопленных. Дело в том, что в выработанной в сентябре 1914 г. Главным Управлением Генерального Штаба форме именного списка плененных не было специальной графы для обозначения подданства, так как признано было наиболее удобным, чтобы предоставлялись отдельные списки германских и австрийских плененных, а потому предполагалось, что подданство будет указываться на заглавных листах списков. На практике, однако, оказалось, что военное начальство на местах заносило германцев и австрийцев в один и тот же список, причем подданство каждого пленного в отдельности совершенно не указывалось. Поэтому в том же сентябре месяце я просил Главное Управление Генерального Штаба сделать циркулярное распоряжение об обозначении в списках сведений о подданстве плененных, ибо в противном случае Бюро было лишено возможности направлять означенные списки в соответствующее воюющее государство. Но и таким путем не сразу удалось достигнуть положительных результатов: местное военное начальство вместо подданства стало указывать в списках национальность плененных (немец, поляк, чех и т.д.), и лишь после моих неоднократных разъяснительных обращений непосредственно к воинским начальникам стали поступать от них списки с необходимыми данными» [7, с. 17].

Затяжная властями в конце 1917 г. перепись плененных была, таким образом, действительно необходима. Для ее проведения разработали целый пакет документов, включая общую инструкцию, поименные ведомости, книжки, бланки, карточки, купоны и так называемые отрезки. Проблема, однако, состояла в том, что военные власти явно переусердствовали, превратив перспективную систему учета военнопленных в настолько громоздкую, что она тут же обнаружила свою бесперспективность. Очевидно, бюрократичная до предела процедура, намеченная еще на июнь 1917 г., потому и не состоялась в запланированные сроки, что обросла бесконечным числом разнообразных бумаг. Больше того, сама по себе задача охвата переписью всех пленников в

силу их «деконцентрации» оказалась утопией. «... Статистических бланков Управление ниоткуда не получало и не знает, как приступить к вышеуказанной переписи», – писал управляющий Николае-Павдинского горного округа окружному инженеру Северо-Верхотурского горного округа в конце августа 1917 г.¹³ Как результат, от проведения переписи в августе 1917 г. власти также отказались, сдвинув ее сроки еще на пару месяцев.

29 сентября уездным комиссарам и начальникам городских милиций было предписано «поставить в известность о производстве переписи все учреждения, предприятия и лиц, у которых находятся на работах в губернии военнопленные, и уведомить их, что согласно уведомления Главного Управления Штаба округа от 27 сентября за № 26911 с просьбой о высылке бланков для переписи надлежит обращаться непосредственно в Петроград в Отдел эвакуационный по заведыванию военнопленными при Главном Управлении Генерального Штаба»¹⁴. Настоящее распоряжение, явно не относясь к своевременно «преподанным», не замедлило обнаружить свою невыполнимость. «... Перепись военнопленных в указанные Вами сроки фактически невозможна в виду слишком ограниченного количества присланных регистрационных карточек. Прислано всего 3 700 экземпляров, между тем требование от 7 уездов предъявлено уже на 11 620...», – сообщала губернская продовольственная управа пермскому губернскому комиссару Б.А. Турчевичу в начале октября 1917 г.¹⁵ Прошел месяц, и без того затянувшая в Пермской губернии перепись плененных и вовсе приостановилась, что было обусловлено не столько недостаточностью бланков, которых было получено уже 147 тыс., а их бестолковым расходом. В Больше-Буртымской волости Пермского уезда, к примеру, плененных сначала зарегистрировал местный лесничий, а после него – еще и уездный продовольственный комитет¹⁶. В других местностях всевозможные властные инстанции локального значения, давшие обильные всходы в результате Февральской революции 1917 г., так и не достигнув согласия в вопросе о том, кто должен заниматься первичным учетом плененных, перепись и вовсе сорвали¹⁷.

Впрочем, даже если бы масштабная акция по регистрации военнопленных благополучно состоялась по всей стране, собранные сведения все равно потребовали бы некоторого времени для своей обработки – времени, которого организаторы переписи оказались лишены в связи с известными политическими событиями конца 1917 г. Итоги переписной кампании, совпавшей по срокам с новым витком политических потрясений всероссийского значения, подводили уже совсем не те, кто ее планировал и организовывал, а именно созданная большевиками Центральная коллегия о плененных

¹³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2829. Л. 45.

¹⁴ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДОСО). Ф. 41. Оп. 2. Д. 311.

¹⁵ ГАПК. Ф. 699. Оп. 1. Д. 2. Л. 169.

¹⁶ Там же. Л. 208, 239.

¹⁷ ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2829. Л. 56.

¹² ГАСО. Ф. 24. Оп. 20. Д. 2829. Л. 23.

и беженцах, точнее, ее статистико-справочный отдел. Есть сведения, что заработавшая 1 декабря 1918 г. в структуре отдела часть по учету иностранных военнопленных по прошествии полугода получила и обработала всего 116,5 тыс. переписных карточек. Их сбор и анализ продолжался вплоть до начала 1920-х гг., однако, этот источник так и не стал главным для выводов о численности и составе пленных Первой мировой войны в России. Помимо него, советские миграционные службы вынуждены были использовать еще и именные списки пленных, запросы об их судьбе, регистрационные бланки умерших и другие документы¹⁸.

Итогом переписной кампании конца 1917 г. взведенные количественные показатели, таким образом, не стали. При этом кампания со всей наглядностью показала, что рисунок российского плена изначально был слишком сложным для того, чтобы сохранять свою прозрачность. В условиях, когда плен превратился в место встречи фронта и тыла, центральных и местных властей, экономики госсектора и ее негосударственных альтернатив, изменчивого города и крепкой в своих традициях деревни, он (плен) не просто сформировал некое особое пространство, в центре которого находились военнопленные вражеских армий. Он породил множество таких пространств. Подобные концент-

рическим кругам, они последовательно – или непосредственно – наслаивались друг на друга, усложняя процедуры контроля и управления настолько, что даже сегодня многие – и не только количественные – характеристики российского плена остаются далекими от достаточно изученных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суржикова Н.В. К вопросу о численности военнопленных Первой мировой войны в России и на Урале // Россия в войнах начала XX века: докл. науч. конф. Екатеринбург, 2005. С. 282–305.
2. Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982. 258 с.
3. Суржикова Н.В. Трудоиспользование военнопленных на Урале в 1914–1917 гг. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2007. № 15. С. 262–274.
4. Rachamimov A. POWs and the Great War: Captivity on the Eastern Front. N. Y., 2002. 256 p.
5. Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917). Л., 1985. 384 с.
6. Суржикова Н.В. Первая мировая в уральской деревне: битва за пленных // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы X Юб. Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 2011. Т. 2. С. 185–192.
7. Овчинников И.А. Центральное справочное бюро о военнопленных. Регистрация. Пг.; Б.и., 1915. 45 с.

Статья поступила
в редакцию 15.02.2014

УДК 94(47).083

В.М. РЫНКОВ

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СПЕЦИФИКА АЗИАТСКОЙ РОССИИ*

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: vadvsvet@list.ru

Российское государство, вступив в 1914 г. в беспрецедентно масштабную войну, столкнулось с необходимостью не только мобилизовать экономику и население на противостояние военному противнику, но и выработать систему мер, призванных смягчить последствия резко усилившейся социальной мобильности. На протяжении второй половины 1914–1915 гг. были созданы специальные институты для решения данной задачи. Но когда в 1916 г. стал существенно падать уровень жизни работавшего населения, никакие меры сглаживания этого явления не смогли удержать процесс маргинализации больших групп населения и, как следствие, радикализации политического сознания.

Целью статьи является анализ процессов социальной мобильности в восточных регионах России, выявление общероссийских тенденций и макрорегиональных особенностей этого явления. Показано, что на эффективности государственной социальной политики в Сибири и на Дальнем Востоке отрицательно сказались отсутствие земских учреждений, недоучет правительством специфики Сибири и Дальнего Востока, выделение на социальные трансферты сумм, покрывавших расходы на уровне ниже общероссийского. Острейшие материальные проблемы с первых месяцев войны стали испытывать горожане – члены семей призванных в армию, а с лета 1915 г. – беженцы. Несбалансированность мероприятий в области социальной политики, по мнению автора, обернулась включением этих двух групп в своеобразный андеркласс, а также тяжелой психологической дезадаптацией. На протяжении 1915 г. вызревали условия для постепенного ухудшения социального положения более широких слоев населения. 1916-й г. принес резкое обострение товарного дефицита и падение курса рубля, что привело к качественному обнищанию значительной части населения Сибири и Дальнего Востока. Четко обозначилось снижение социаль-

¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 6. Д. 11. Л. 47, 77, 85.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-8-01725.